

Билингвизм vs мультикультурализм:
феномен творчества австрало-китайского поэта
Оуян Юя

Ю. А. Дрейзис

ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ МГУ ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА, МОСКВА

Аннотация. Китайская поэтическая традиция в исторической перспективе представляет собой настолько замкнутую, изолированную от внешней среды систему, что существование поэта «в пограничной зоне» двух культурных полей, в качестве одного из которых выступает китайская традиция, оказывается проблематичным. Билингвизм в современной китайской поэзии, несмотря на несравненно большую открытость поэта другим культурам, оказывается возможен прежде всего в формате взаимодействия с «периферийной» литературой – на языке «малых народов» или на топониме. Тем интереснее рассмотреть феномен билингвизма поэта, чье творчество (языками которого служат китайский и английский) объединяет две масштабные традиции поэзии, из которых вторая не замкнута на Китай, а существует абсолютно независимо.

Обширный материал для подобного рассмотрения дает творчество австрало-китайского поэта Оуян Юя (Ouyang Yu 欧阳昱), который к настоящему моменту является автором 75 сборников поэзии, прозы, эссе, переводов и литературной критики на английском и китайском языках. Оуян

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

Дрейзис Ю. А. Билингвизм vs мультикультурализм: феномен творчества австрало-китайского поэта Оуян Юя // Критика и семиотика. 2015. № 1. С. 295–315.

Юй с пониманием пишет о дилеммах транснациональных художников и интеллектуалов, оказавшихся между различными литературными, культурными и языковыми традициями. Его грубый, бескомпромиссный стиль (по словам одного критика, «преднамеренная некрасивость» языка) не только бросает вызов литературному и социальному истеблишменту, но и служит средством мужественных самоанализа и самокритики. Обращающий на себя внимание въедливым, ироничным исследованием австралийской культурной (и мультикультурной) идентичности, Оуян Юй также признан как поэт, тонко владеющий поэтической техникой.

При выстраивании своей мультикультурной идентичности поэт использует несколько стратегий. Это, во-первых, смешение двух языков в рамках художественного пространства одного произведения, вплоть до их смешения внутри одной языковой единицы. Во-вторых, широкий пласт языковой игры «на границе» между двумя языками – через введение в ткань произведения на одном языке единиц другого языка, которые будут осознаваться как чуждые, часто непонятные знаки, нуждающиеся в пояснении их поэтом. В-третьих, попытка «сойти за своего» в поле каждой из соответствующих культур – через использование фразеологии, аллюзий, цитаций, которые укореняют автора текста в пространстве коллективной памяти народа.

Ключевые слова: билингвизм, поэзия, мультикультурализм, австралийская литература, китайская литература

УДК 821.581 + 821.111 + 82-14 + 808.1

Контактная информация: Дрейзис Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент ИСАА МГУ (ул. Моховая, 11, стр. 1, Москва, 125009, xiaoyouliya@gmail.com)

Когда речь заходит о билингвизме применительно к современной китайской поэзии, исследователь сталкивается со сложной ситуацией. Сама китайская поэтическая традиция в исторической перспективе представляет собой настолько замкнутую, изолированную от внешней среды систему, что существование поэта «в пограничной зоне» двух культурных полей, в качестве одного из которых выступает китайская традиция, оказывается проблематичным.

Развернувшаяся в последние годы в Китае дискуссия между так называемыми «поэтами-интеллектуалами» и «народными (*миньцзянь* 民间) поэтами» фокусируется на том, следует ли китайским поэтам подражать своим западным «учителям» или же они должны писать стихи, которые основаны на «обычной жизни», используя в качестве источника «ориги-

нальную творческую силу» поэта¹. Подобный поэтический национализм заставил в свое время крупного поэта Юй Цзяня 于坚, автора из пограничной провинции Юньнань, заметить: «Я не верю, что китайские поэты могут писать на других языках», а также что «для китайских поэтов английский является в высшей степени второсортным языком».

Билингвизм в современной китайской поэзии, несмотря на несравненно большую открытость поэта другим культурам, оказывается возможен прежде всего в формате взаимодействия с «периферийной» литературой — на языке «малых народов» (тибетцев, и, мяо и т. п.) или на тополекте (например, *минь*). Особый случай будут представлять собой поэты-билингвы Тайваня, писавшие на японском и китайском языках, в основном в период, когда остров управлялся японской колониальной администрацией (1895–1945). Тем интереснее рассмотреть феномен билингвизма поэта, языками которого служат китайский и английский и чье творчество объединяет две масштабные традиции поэзии, из которых вторая не замкнута на Китай, а существует абсолютно независимо.

Обширный материал для подобного рассмотрения дает творчество австрало-китайского поэта Оуян Юя (Ouyang Yu 欧阳昱), который к настоящему моменту является автором 75 сборников поэзии, прозы, эссе, переводов и литературной критики на английском и китайском языках. С 1996 г. он также выступает редактором единственного в Австралии китайского литературного журнала «Чужая земля» (*Otherland* 原乡 Юань сянь) [Ouyang, 2010].

Стихи Оуян Юя с 2004 по 2013 г. девять раз включались в состав поэтических сборников «Лучшая австралийская поэзия». Его последний китаезычный сборник «стихинестихи» (*ши фэй ши*, 诗非诗) был опубликован в Шанхае в 2011 г., а двуязычное издание «Самоперевод» (*Self Translation*) вышло в свет в августе 2012 г. [Ibid.]

Оуян Юй родился в 1955 г. в китайском г. Хуанчжоу, пров. Хубэй. В 1983 г. он закончил Уханьский институт гидроэлектротехники (ныне

¹ «Поэты-интеллектуалы» подвергаются критике за использование «западных ресурсов» — цитат из Т. С. Элиота, У. Б. Йейтса, Б. Пастернака, Ж. Деррида, М. Фуко, Х. Л. Борхеса и проч. почти в каждой строке их работ, в то время как «народных поэтов» критикуют за их склонность к секуляризации поэзии, угождению вкусу масс и особому вниманию к постыдным повседневным деталям. Две эти группы борются за влияние и право доминировать в современной китайской поэзии. Борьба достигла апогея в апреле 1999 г. в ходе так называемых Паньфэнских дебатов (названных по имени отеля в Пекине, где проходила конференция), противостояние длилось несколько месяцев и закончилось только на Лунмайской поэтической конференции в г. Чанпин 12–13 ноября того же года, которую приглашенные «поэты-интеллектуалы» бойкотировали [Ouyang, 2007, с. 25].

влитый в Уханьский университет) по специальности «английская и американская литература», а в 1989 г. получил степень магистра по специальности «австралийская и американская литература» в Восточно-китайском педагогическом университете в Шанхае. После непродолжительного преподавания в Ухани в 1991 г. он уехал в Австралию для получения докторской степени за работу об образе китайца в австралийской литературе (которую он получил в 1995 г.).

С момента прибытия в Австралию Оуян Юй начал свою литературную карьеру как поэт, критик, переводчик, редактор и писатель, получил ряд грантов и премий за свою работу и занимал должность научного сотрудника в различных университетах Австралии. В период с 2005 по 2008 г. он также был профессором австралийской литературы в Уханьском университете в Китае. Оуян Юй вошел в сотню самых влиятельных мельбурнцев за 2011 г., а также в десятку самых влиятельных писателей китайского происхождения в китайской диаспоре [Tranter, Webby, 2004].

Оуян Юй является весьма противоречивой фигурой в австралийской литературе, иногда его характеризуют как «сердитого китайского поэта» (the angry Chinese poet) [Ommundsen, 1998]. В его часто цитируемом стихотворении «Резюме идентичности» (*An identity CV, 2004*), поэт описывает себя как «австралийца в течение последних пары лет, китайца – в течение первых сорока трех; без стыда за обоих» (*Australian for the last couple of years, Chinese for the first 43; unashamed of either*) [Ouyang, 2004a].

В своих произведениях он стремится передать фрустрацию (личностную, социальную, профессиональную и сексуальную) мигранта и указывает на равнодушие и враждебность, которыми Австралия встретила недавние волны азиатской иммиграции. Он с пониманием пишет о дилеммах транснациональных художников и интеллектуалов, оказавшихся между различными литературными, культурными и языковыми традициями. Его грубый, бескомпромиссный стиль (по словам одного критика, «преднамеренная некрасивость» языка) не только бросает вызов литературному и социальному истеблишменту, но и служит средством мужественных самоанализа и самокритики. Оуян Юй ярко представляет новое поколение писателей и интеллектуалов эпохи постколониализма, которые пишут о силах глобализации и их влиянии на отношения Востока и Запада и в то же время признают их многофакторное, подчас болезненное влияние на собственную жизнь и работу.

Обращающий на себя внимание въедливым, ироничным исследованием австралийской культурной (и мультикультурной) идентичности, Оуян Юй также признан как поэт, тонко владеющий поэтической техникой. Характерной особенностью многих известных и часто цитируемых стихов Оуян Юя является резкий сатирический тон, который явно призван спроецировать фигуру читателя как этнического противника. Мы встречаем это, на-

пример, в стихотворении «Неблагодарный иммигрант» (*The ungrateful immigrant*, 2004) [Ouyang, 2004b]:

*Думаешь, что, поскольку я приехал жить в Австралию
Я должен быть благодарным всю оставшуюся жизнь
You think that because I came to live in Australia
I should be grateful the rest of my life.*

Здесь Оуян Юй атакует соломенное чучело, культивируя образ «другого», который становится неубедительным благодаря его собственной культурной и временной дистанции от пре-мультикультурной Австралии [Nicholl, 2013, с. 1].

Стихотворения сборника «Самоперевод», напротив, являются чрезвычайно личными и лиричными: субъект обращается к самому себе с искренностью, вместо того чтобы играть на публику. Создавая произведения на родном языке (и из родного языка) он позволяет раствориться навешенному ярлыку меньшинства, маргинальной идентичности.

Даже когда он пишет, как он это делает в предисловии, о «вступлении в ряд таких людей, как Рабиндранат Тагор, Владимир Набоков, Сэмюэль Беккет...», цель оказывается скромна: «Этот сборник пусть даст возможность читателям увидеть постепенный рост моего поэтического искусства в моих китайских стихах на протяжении десятилетий, пока я оттачивал свое владение английским и китайским» [Ouyang, 2013, p. 90].

В ключе конфронтационной стратегии Оуян Юя языковая неуклюжесть кажется намеренной: английский язык не является для субъекта родным, и предполагается, что субъект, как следствие, существует в полемически определяемых отношениях со своим адресатом не-мигрантом. Читателя побуждают отказаться от культурно-ограничительных стандартов словоупотребления как от устаревшей иммиграционной политики. Тот же преднамеренный подход присутствует в «Песне эмиграции в Австралии» (*Song for an Exile in Australia*, 1993) [Ibid., p. 150]:

*...разъединенный с жизнью
я прикрываю каждый лик часов
чтоб забыть время*

*...disconnected with life
so I cover up every face of clocks
to forget time,*

где автор намеренно использует аграмматичное *disconnected with life* и *every face of clocks* вместо корректных *disconnected from life* и *every clock face*.

Он сохраняет стихотворение в его первоначальной редакции, делая выбор в пользу того, чтобы не датировать стихи и не отмечать их хронологический порядок, чтобы включить фрагменты как бы преодоленного косноязычия в свой поэтический дневник «сезона без языков в Австралии» [Nicholl, 2013, с. 1].

Другое стихотворение, «Прекрасная смерть» (*Beautiful Death*, 2003), содержит несколько вариантов перестановки слов в предложении «Смерть природы прекраснее всего» (*The death of nature is most beautiful*) [Ouyang, 2013, p. 437]. Лирический субъект как бы катает иностранные слова во рту своего восприятия, много раз повторяя исходную фразу. Наиболее лингвистически странной выглядит средняя строфа стихотворения, где субъект и предикат не согласуются между собой в числе, и автор играет с австралийским значением слова *mob* (стадо, толпа животных).

Неуклюжая свобода подхода Оуян Юя (в рамках которого нарушение языковых норм в меньшей степени используется для достижения особого эффекта и в большей – в качестве стилистической константы) согласуется с опытом, который он описывает как неприкаянность, оторванность от «корней» (*rootlessness*) [Nicholl, 2013, p. 1]. В стихотворении «Две мои женщины» (*My two women*, 2002) [Ouyang, 2013, p. 794] он пишет:

*моя прежняя женщина звалась хуа
нынешняя женщина зовется ао²
ради свободы
обе они могут быть оставлены*

*從前的女人姓華
如今的女人姓澳
若為自由之故
二者皆可拋*

*My previous woman was called hua
And my current woman was called ao
For the sake of freedom
Both can be abandoned*

В других произведениях Оуян Юя есть следы презрения к Австралии как псевдонации, которой, в отличие от его родины, не хватает подлинной культуры и исторического самоосмысления. Например, в стихотворении

² *Hua* – китайский, *ao* – австралийский.

«Секс-уведомление» (*Sex Notice*, 1996) из сборника «Луна над Мельбурном» (*Moon Over Melbourne*) [Ouyang, 1995]:

*и твой город претенциозен, твои деньги жаждущи
твоя жизнь вонюча и вишива*

*вместо того чтоб утомлять меня позволь я утомлю тебя
новенькой китайской флейтой*

*что сыграет тебе мелодию умирающего от любовного голода
в течение пяти тысяч лет*

*and your city is arty, your money thirsty
your life farty and lousy*

*so instead of boring me let me bore you
with a brand new china-made flute*

*to play you a tune of starved-love
for five thousand years*

Вторым пластом иронии в таких стихах, как «Две мои женщины», служит условное гендерное олицетворение двух стран как контраст к автономии субъекта-мужчины.

Явные социальные темы в значительной степени исключены из интроспективной лирики «Самоперевода», однако это не значит, что они не появляются там на заднем плане. По контрасту с драматизированными диалогами предшествующих лет в последнем сборнике Оуян Юя говорит «своим собственным» голосом (что не дает его солецизмам восприниматься как данность). Если расположить эти стихи на шкале авторефлексии, на одном конце которой будет образное описание, а на другом – метафизическая аргументация, то они расположатся посередине с легким смещением влево, как сочетание ярких образов и лирического аффекта.

Самым непосредственным качеством поэзии Оуян Юя является ее исповедальность. В ней содержится не так много указаний от автора, чтобы воссоздать контуры биографии, разворачивающейся в линейном времени; скорее, она создает впечатление о жизни, прерывисто вспоминаемой во сне. Памятные детали запечатлеваются в предельно точной и в то же время рассеянной манере. Так обстоит дело в стихотворении «Зима» (*Winter*, 2012) [Ouyang, 2013, p. 858]:

*Каждый день муха загорает
на подоконнике этой комнаты*

*Давным-давно мертва она
но я еще жив*

*Every day the fly suns himself
on the window sill of this room*

*Long dead is he
but I am still alive*

Оборотной стороной этой способности к конструированию образа является способность к отрицанию. Стихотворение Оуян Юя «Без названия / Потому что так оно и есть» (*Untitled / Because That's the Way It Is*, 1995) лишено заглавия потому, что как китайский австралиец, или австралийский китаец, он (и адресат стихотворения) пойман в зазоре между культурами, между языками и таким образом оказывается безымянным. Он лишен средств, с помощью которых может сформулировать и передать значимую идентичность – значение своего «я», которое создается в сообществе, т. е. структуре или интимном пространстве общих знаний и общей истории.

Поэзия Оуян Юя как бы отказывается впускать в свой мир другого – она сохраняет свое центральное ядро или существенное значение в тайне. Это не означает, что она намеренно усложнена: она проста (часто просодична), не только с точки зрения пространственной организации, строфики, но с точки зрения звука и тона. Это обеспечивает постоянное эмоциональное напряжение, которое осложняет для читателя возможность вхождения в ее мир.

это все равно что пытаться создать мир в котором можно спрятаться

*английский мир-слово, что не является ни английским, ни китайским
полный твоих секретных изображений в которые никакие известные
слова не могут проникнуть*

*или ты смотришь внутрь себя через границу делящую тебя
на две необщительные страны, на самом деле ты смотришь
сверху этой пограничной области глубоко смещённых/неуместных пейзажей*

*в небо которому всё удаётся
теперь, когда ты там / здесь*

*ты говоришь мне снова что ты понимаешь в первый и последний раз
что ты не принадлежишь ни тому ни другому из-за того большого
языкового шрама*

*что как генетическая расовая особенность лица
разрезает тебя в двух иностранцев в одном
том который разделяет и правит но не принадлежит
it's like trying to create a world in which to hide yourself
an english wor(l)d that's neither english nor chinese
full of your own secret images no known words can penetrate
or you'd look within yourself across the boundary dividing you
into two uncommunicative countries, actually you look
from above that borderland of deeply d(m)isplaced landscapes
into a sky coming into its own
now that you are t/here
you are telling me again that you realise for the first and last time
that you don't belong anywhere because of that big linguistic scar
that like a genetic racial facial feature
carves you into two aliens in one
the one that divides and rules but doesn't belong
(«Без названия / Потому что так оно и есть»)*

[Ouyang, 1995]

Поэзия для Оуян Юя – языковой корпус, в котором оказывается на мгновение ухваченным индивидуальное «я». Поэзия – несколько «кадров» в постоянном процессе перевода себя, своей идентичности, процессе, хотя и особенно актуальном для мигранта, но по сути являющемся неотъемлемой частью существования человечества. Оуян Юй говорит на тему своей связанности или – как в случае мигранта – разобщенности с землей и языком:

*в сезон без языков в Австралии
я потерял вес в необработанной ничейной земле
как дикий дьявол блуждающий
я посеял мой язык в чужую землю
где она порождает странные цветы, которые никто не признает
и вдруг я нахожу мой язык зажатым
между двумя языками, как тисками
в сезон добровольного изгнания в Австралии*

*in a season without languages in Australia
I have lost my weight in undeveloped no-person's land
like a wild devil roaming
I sow my language into the alien soil*

*where it sends forth strange flowers that no one recognises
and all of a sudden I find my tongue held
between two languages like a vice
in a season of self-exile in Australia*
(«Песня эмиграции в Австралии»)
[Ouyang, 2013, с. 150]

«О», которое выпадает из слова «voice» (голос), чтобы превратить его в «vice» (тиски), – это разрыв, отверстие, через которое голос теряется, падает, не находя пристанища [Collett, 1997, p. 234]. Это теория языка как «заземления», исследование того, что происходит в психическом и поэтическом отношении, когда человек оказывается незаземленным, перемещенным.

В процессе этого исследования читатель / слушатель в поэзии Оуян Юя становится обязательно участником процесса перевода. Он вновь и вновь приглашается принять участие в языковой игре:

Ди 皮 ляция

*Вознеси это ввысь, к новым 晦
Поддай грязь*

Di 皮³ lation

*Take it to heights, further 晦^{4s}
Dish the dirt*
(«Ди 皮 ляция», 2010)
[Ouyang, 2010]

Примечание: это стихотворение также может быть прочитано с порядком строк 1 3 2 4 / 5 7 6 8 / 9 11 10 12

Note: this poem could also be read in the order of lines 1 3 2 4 / 5 7 6 8 / 9 11 10 12

(«На закате» *At Dusk*, 2012)
[Ouyang, 2013, p. 346]

³ Читается как *пи*.

⁴ Читается как *хай*.

в одиночестве стою среди падающих цветов
безмолвно приближается утренний ветер
вечерний ветер уносит аромат прочь
остаются целые плечи красного⁵

獨立落花中
悄然臨曉風

晚風口香去
殘留一肩紅

(«Без названия», *Untitled*, 2012)
[Ouyang, 2013, p. 474–475]

мое имя
кристаллизация двух культур
моя фамилия китай
мое имя австралия
если я переведу это как есть на английский
моя фамилия становится австралия
мое имя – китай

my name is
a crystallization of two cultures
my surname is china
my given name is australia
if i translate that direct into english
my surname becomes Australia
my given name china

куда бы я ни отправился
с двуцветным сердцем
хотя есть хань цзянь в китайском
нет ао цзянь в английском

я пишу на китайском
как австралийцы по-английски
у наших родных стран есть одна общая черта
обе они потеряли М⁶

⁵ Автор имитирует классический пятисловный стих *люйши*.

я аннулировал мой дом
я создал дом
через двести лет
я стану отцом двойного человека

*wherever i go
it is with a heart tinged in two colours
although there is a han jian⁷ in chinese
there isn't ao jian⁸ in english
i write in chinese
like australians do in english
our motherlands have one thing in common
they've both lost M
i have nullified my home
i have set up a home
in two hundred years' time
i shall be the father of the double man*
(«Двойной человек» *The Double Man*, 2012)
[Ouyang, 2013, p. 252–265]

не тусклая смутность этого «под морось мечтой возвращаюсь к пестушьей заставе»⁹
не мрачная сумрачность этого «весенний прилив с дождями вечер поспешает»¹⁰

不是“細雨夢迴雞塞遠”的朦朧恍惚
不是“春潮帶雨晚來急”的晦暗沉重
(«Звук дождя», *The Sound of Rain*, 2012)
[Ouyang, 2013, p. 213–214]

Сборник «Самоперевод» заканчивается тремя стихотворениями, где ведется работа с планом визуального и сочетаются два языка – китайский и английский (и, таким образом, две идентичности). В «Двойном» (*Double*)

⁶ Игра слов: *motherland* – отчизна, *otherland* – чужая земля.

⁷ Предатель, букв. «предатель Китая».

⁸ Букв. «предатель Австралии».

⁹ Цитата из романса-цы на мелодию «Таньпо хуань си ша» второго императора Южной Тан Ли Цина 李璟 (916–961).

¹⁰ Цитата из стихотворения танского поэта Вэй Инью 韦应物 (737–792) «Западный ручей в Чучжоу».

последовательно переводится каждая строка стихотворения; поэт тематически обыгрывает чередование, в том числе чередование черного и белого [Ouyang, 2013, p. 1035].

雙/Double

Beautiful morning
美麗的清晨

A bird walks up to me
一頭鳥朝我走來

Like a chook
像只鸡

Black across the breast
胸脯全黑

Right up to the hip
一直黑到屁股

I thought he might attack me
我以為牠會向我發起攻擊

With his heel-like beak
用牠像高跟的鳥喙

But he walks away
但牠走開了

And shits
拉了一泡屎

Before he takes flight
然後飛走

Leaving a pool of snow white
留下一灘雪白的東西

«Моя печаль» (*My Sadness*) начинается с переведенной поэтом на китайский цитаты из письма Йейтса с последующим английским оригиналом; само стихотворение переформатирует повествование из ирландско-французского контекста в китайско-австралийский [Ouyang, 2013, p. 1037–1039].

我的悲哀

My Sadness

[我說：“放棄巴黎吧，你不可能通過閱讀拉辛創造出任何東西來的，亞瑟·西蒙永遠會是一個更好的法國文學批評家。到阿倫群島去吧。就住在那兒，好像你就是那兒人一樣。去表現一種從未得到表現過的生活吧。”我剛剛從阿倫回來，我的想像中充滿了那些灰色的小島，那兒，男人須用刀子收穫，因為到處都是石頭。] (p.198)

[I said: Give up on Paris, you will never create anything by reading Racine, and Arthur Symons will always be a better critic of French literature. Go to the Aran Islands. Live there as if you were one of the people themselves; express a life that has never found expression." I had just come from Aran; and my imagination was full of those grey islands where men must reap with knives because of the stones.] (p.198)

上述這段話

these words above

出自葉芝之口

are from yeats' mouth

是他對辛格而說

said to synge

那是愛爾蘭的一個戲劇家

an irish playwright
上述這段話
these words above
引自我此時正翻譯的一本書
are quoted from a book i'm translating
叫《英語的故事》
titled the story of english
阿倫群島坐落在愛爾蘭
aran islands are found in ireland
上述這段話
these words above
特別使我觸動
moved me in a special way
如果他說：放棄澳大利亞吧
if he said: give up on australia
到黃岡去吧
go to huanggang

我也不會的
i won't
因為那是中國
because that is china
因為愛爾蘭雖然窮得一塌糊塗
because even if ireland is dead poor
沒有人割舌頭
no one has his tongue cut
上述這段話
these words above
讓我十分悲哀

sadden me no end
 一個背叛了自己的語言
 one who has betrayed his own language
 用敵人語言創作的人
 now writing in the language of the enemy

還有什麼可多說
 what more is there to say

Последнее стихотворение «Две дороги» (*Two Roads*) возвращает читателя в двуязычный режим, однако теперь обе страницы разворота включают китайский и английский языки, которые чередуются не только построчно, но и в рамках одной строки. Два парных стихотворения представляют собой размышление на тему произведения Роберта Фроста «Другая дорога» (*The Road Not Taken*), которое поощряет монопольного читателя принять обе дороги (стихотворения), считывая китайские или английские слова, перескакивая с левой на правую страницу и обратно [Farrell, 2013]. Последняя строфа в обоих стихотворениях написана на обоих языках, причем слово «taken» изъято из английского текста и заменено китайским, но в то же время появляется в китайском тексте слева. Стихотворение заканчивается дополнительной строкой на английском языке в левой, по преимуществу китайской, строфе: «*There's nothing you can't do that you do*» (Нет ничего, что вы не можете сделать, что вы делаете). На противоположной странице строфа завершается на фразе «У вас нет выбора, у вас есть много вариантов» (*You have no choice, you have many choices*). Слева ей соответствует пустое пространство – потенция, будущность еще-не-осуществленного перевода.

兩條路

我的面前沒有那座林子
 外面，黑夜越來越深
 早已錯過了約會的時間
 秋天，也許不久就會到來

The roads may have diverged in the woods
 You can, though, travel in both

If only physically on one
While metaphysically on the other

一個人活久了就不是一個人
時光逐漸在肉中堆積
回頭路是沒有的
往前走的路也有盡頭

Two roads are two feet
That go away and come back
Who is there to say that future is not
The past and time does not always stay?

沒有taken的路其實已經taken
已經taken過的，不一定是必經之路
你別無選擇，你選擇很多
There's nothing you can't do that you do

Two Roads

The wood is not in front of me
Outside, the night deepens
I have long missed the hour of appointment
The autumn, it may soon arrive

路也許在林中分叉
但你能同時走兩條
一條用腳
一條用腦

One is no one when he lives too long
 Time accumulates in the flesh
 There's no road back
 Although the road forward does come to an end

兩條路就是兩隻腳
 去去也就回了
 誰能說將來不是
 過去，時光永遠就不永駐？

The road not走 has actually been走了
 The one走了的, not necessarily the one one wants to take
 You have no choice, you have many choices

[Ouyang, 2013, p. 1040–1041]

Это стихотворение подводит итог бесконечной двусмысленности, замаскированной под простоту, что характеризует индивидуальный стиль Оуян Юя. Как путник Роберта Фроста, Оуян Юй и его самоперевод постоянно сталкиваются с расходящимися путями. Разница, таким образом, проявляется в том, что он не в состоянии не следовать по обоим путям одновременно.

Какие стратегии использует автор при выстраивании своей мультикультурной идентичности? Во-первых, смешение двух языков в рамках художественного пространства одного произведения, вплоть до их смешения внутри одной языковой единицы (*Di 皮 lation*). Во-вторых, широкий пласт языковой игры «на границе» между двумя языками – через введение в ткань произведения на одном языке единиц другого языка, которые будут осознаваться как чуждые, часто непонятные знаки, нуждающиеся в пояснении их поэтом. В-третьих, попытка «сойти за своего» в поле каждой из соответствующих культур – через использование фразеологии, аллюзий, цитаций, которые укореняют автора текста в пространстве коллективной памяти народа.

Список литературы

Collett, A. 1997. 'In a season without languages': Translative Process in the Poetry of Ouyang Yu, Vasso Kalamaras, Ania Walwicz and Antigone Kefala',

Journal of the Association for the Study of Australian Literature (Land and Identity: Proceedings of the Nineteenth Annual Conference held at the University of New England, Armidale, 27–30 September 1997), p. 232–238.

Farrell, M. 2013. 'Poet Ouyang Yu takes both roads', *The Australian*, 23 февраля, получено 7 февраля 2015, <http://www.theaustralian.com.au/arts/review/poet-ouyang-yu-takes-both-roads/story-fn9n8gph-1226583520277>

Nicholl, J. 2013. 'Jal Nicholl Reviews Ouyang Yu', *Cordite Poetry Review*, 23 февраля, получено 7 февраля 2015, <http://cordite.org.au/reviews/jal-nicholl-reviews-ouyang-yu/>, p. 1–2.

Ommundsen, W. 1998. 'Not for the Faint-Hearted: Ouyang Yu: The Angry Chinese Poet,' *Meanjin*, №3, Melbourne, p. 595–609.

Ouyang Yu, 1995. 'Moon Over Melbourne', *Australian Poetry Library*, получено 12 февраля 2015, <http://www.poetrylibrary.edu.au/poems-book/moon-over-melbourne-0282000>.

Ouyang Yu, 2004a. 'An Identity CV', *Poetry International Rotterdam*, получено 12 февраля 2015, <http://www.poetryinternationalweb.net/pi/site/poem/item/817>.

Ouyang Yu, 2004b. 'The Ungrateful Immigrant', *Poetry International Rotterdam*, получено 12 февраля 2015, <http://www.poetryinternationalweb.net/pi/site/poem/item/825>.

Ouyang Yu, 2007. 'Multicultural Poetry as Unwritten in China or the Night You Want to Sleep Away with or On,' в Ouyang Yu (ред.), *Bias: Offensively Chinese/Australian: A Collection of Essays on China and Australia*, Otherland Pub., Kingsbury, p. 25–32.

Ouyang Yu, 2010. 'About Ouyang Yu', получено 7 февраля 2015, <http://www.ouyangyu.com.au/>.

Ouyang Yu, 2010. 'Di 皮 lation', *White and Yu*, получено 12 февраля 2015, <http://www.presspress.com.au/Yu.html>.

Ouyang Yu, 2013. *Self Translation (Kindle Edition)*, Transit Lounge, Melbourne.

Tranter, J. & Webby, E. et al., 2004. 'Ouyang Yu', *Australian Poetry Library*, получено 7 февраля 2015, <http://www.poetrylibrary.edu.au/poets/ouyang-yu>.

Article metadata

Title: Bilingualism vs multiculturalism: the phenomenon of Australian-Chinese poet Ouyang Yu

Author: Yu. A. Dreyzis

Author's e-mail: xiaoyouliya@gmail.com

Author affiliation: Institute of Asian and African Studies (IAAS), Moscow State University (MSU).

Abstract: Chinese poetic tradition in historical perspective appears such a closed, isolated system, that the existence of a poet «in the border zone» between the two cultural fields (Chinese and non-Chinese), is problematic. Bilingualism in modern Chinese poetry, despite the much greater openness of the poet to other cultures, exists primarily in the form of interaction with the «peripheral» literature – the one created in a minority language or a topolect. The more interesting it is to consider the phenomenon of bilingualism in a poet, whose work (in Chinese and English) brings together two major traditions of poetry, the second of which is not closed on China itself, but is absolutely independent.

Such a phenomenon can be explored in the works of Australian-Chinese poet Ouyang Yu (欧阳昱), which to date is the author of 73 books of poetry, prose, essays, translations and literary criticism in English and Chinese. Ouyang Yu writes with understanding of the dilemmas of transnational artists and intellectuals caught between the various literary, cultural and linguistic traditions. His rough, uncompromising style (in the words of one critic, «a deliberate ugliness» of the language) is not only a challenge to the literary and social establishment, but also serves as a means of courageous self-analysis and self-criticism. In addition to his meticulous, ironic study of Australian cultural (and multicultural) identity, Ouyang Yu is also noted for his subtlety in wielding poetic technique.

When constructing his multicultural identity the poet uses several strategies. Firstly, it's the mixing of two languages within the space of one art work up to their mixing within one language unit. Secondly, a kind of a language game «on the border» between the two languages – through the introduction into one language units of another language, which will be considered alien, often unintelligible signs, which demand explanation from the poet. Thirdly, the attempt to «pass for one of their own» in the field of each of the respective cultures – through the use of phraseology, allusions, citations, which transplant the author of the text in the space of the collective memory of the people.

Key terms: bilingualism, poetry, multiculturalism, Australian Literature, Chinese Literature.

Reference literature (in transliteration):

Collett, A. 1997. 'In a season without languages': Translative Process in the Poetry of Ouyang Yu, Vasso Kalamaras, Ania Walwicz and Antigone Kefala', *Journal of the Association for the Study of Australian Literature (Land and Identity: Proceedings of the Nineteenth Annual Conference held at the University of New England, Armidale, 27–30 September 1997)*, p. 232–238.

Farrell, M. 2013. 'Poet Ouyang Yu takes both roads', *The Australian*, 23 февраля, получено 7 февраля 2015, <http://www.theaustralian.com.au/arts/review/poet-ouyang-yu-takes-both-roads/story-fn9n8gph-1226583520277>

Nicholl, J. 2013. 'Jal Nicholl Reviews Ouyang Yu', *Cordite Poetry Review*, 23 февраля, получено 7 февраля 2015, <http://cordite.org.au/reviews/jal-nicholl-reviews-ouyang-yu/>, p. 1–2.

Ommundsen, W. 1998. 'Not for the Faint-Hearted: Ouyang Yu: The Angry Chinese Poet,' *Meanjin*, №3, Melbourne, p. 595–609.

Ouyang Yu, 1995. 'Moon Over Melbourne', *Australian Poetry Library*, получено 12 февраля 2015, <http://www.poetrylibrary.edu.au/poems-book/moon-over-melbourne-0282000>.

Ouyang Yu, 2004a. 'An Identity CV', *Poetry International Rotterdam*, получено 12 февраля 2015, <http://www.poetryinternationalweb.net/pi/site/poem/item/817>.

Ouyang Yu, 2004b. 'The Ungrateful Immigrant', *Poetry International Rotterdam*, получено 12 февраля 2015, <http://www.poetryinternationalweb.net/pi/site/poem/item/825>.

Ouyang Yu, 2007. 'Multicultural Poetry as Unwritten in China or the Night You Want to Sleep Away with or On,' в Ouyang Yu (ред.), *Bias: Offensively Chinese/Australian: A Collection of Essays on China and Australia*, Otherland Pub., Kingsbury, p. 25–32.

Ouyang Yu, 2010. 'About Ouyang Yu', получено 7 февраля 2015, <http://www.ouyangyu.com.au/>.

Ouyang Yu, 2010. 'Di 皮 lation', *White and Yu*, получено 12 февраля 2015, <http://www.presspress.com.au/Yu.html>.

Ouyang Yu, 2013. *Self Translation (Kindle Edition)*, Transit Lounge, Melbourne.

Tranter, J. & Webby, E. et al., 2004. 'Ouyang Yu', *Australian Poetry Library*, получено 7 февраля 2015, <http://www.poetrylibrary.edu.au/poets/ouyang-yu>.